

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ"

№ 22 Суббота, 14 (27) іюня 1903 г. № 22

РУССКІЕ ИГРОКИ.

Изъ воспоминаній артиста императорск. театр. Константинова, составилъ

А. Заринъ.

I.

До Петра I русскіе бояре въ карты не играли, иногда молодежь баловалась въ бабки или въ орлянку, но со времени Анны Іоанновны карты уже входятъ у насъ въ обиходъ общественной жизни, а въ царствованіе Императрицы Екатерины II карточная игра уже пріобрѣтаетъ характеръ азарта и наживного занятія. При Петрѣ I русское дворянство копировало голландцевъ, въ послѣдующія царствованія—нѣмцевъ, и лишь при Екатеринѣ II пошла мода на все французское. Идеаломъ русскому дворянству служила роскошь дворовъ короля Людовика XIV, регента, короля Людовика XV и начало царствованія Людовика XVI и Маріи Антуанеты. Русское дворянство, въ особенности придворные вельможи, рабски копировали все французское, громко цитировало Вольтера, Дидро, Жанъ-Жака Руссо и другихъ энциклопедистовъ, разсуждали о правахъ человѣка, по философскимъ теоріямъ тогдашняго времени и вообще любили щегольнуть своимъ либерализмомъ. Подражаніе французскому отразилось и на карточной игрѣ. Во дворцѣ по вечерамъ устраивалась игра, въ которой принимала участіе сама Императрица. Быть приглашеннымъ на эти придворныя партіи считалось за большую честь; каждый вельможа добивался этого благополучія, причемъ старался блеснуть роскошью своего наряда, въ особенности бриллiантами и кружевами, которые въ екатерининскій вѣкъ были въ большой модѣ. Бриллiантами вельможи украшали свои пальцы, грудь, ноги и табакерки. Во время карточной игры партнеръ всегда имѣлъ обыкновеніе класть около себя табакерку, осыпанную бриллiантами. Не было надобности въ томъ, нюхалъ-ли вельможа или нѣтъ, но имѣть табакерку и, время отъ времени, пачкать носъ тончайшимъ табакомъ считалось хорошимъ тономъ. Носъ вытирался батистовымъ платкомъ, обшитымъ дорогими кружевами, а съ манжетъ стряхивался табакъ бѣлой, выхоленной рукой, унизанной кольцами. Это былъ вѣкъ исключительный роскоши, и никогда нашъ дворъ не достигалъ такого блеска, какъ въ вѣкъ Екатерины. Всѣ жили выше своихъ средствъ. Кружева, бриллiанты, убранство комнатъ, обѣды, балы, домашніе спектакли, парадные выѣзды, шуты, шутихи, карлики, карлицы, очень чудные калмычата, арабы, приживальщики, прихлебатели и т. п. поглощали массу денегъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такихъ непроизводительныхъ тратъ являлась жажда скорой наживы, и такъ какъ далеко не всѣ счастливцы, удостоившіеся приглашенія на придворный вистъ, награждались населенными вотчинами или получали выгодныя мѣста, на которыхъ можно было погрѣть руки, то груды золота, красовавшіяся на карточныхъ столахъ, до потемнѣнія разума распаляли жажду скорой наживы. Въ одинъ вечеръ проигрывались цѣлыя состоянія. Въ каждомъ барскомъ домѣ Петербурга существовали отдѣльные аппартаменты, гдѣ любители сильныхъ ощущеній быстро становились нищими или выигрывали мѣшки золота. Каждый баринъ, являвшійся на званый обѣдъ или вечеръ, имѣлъ обыкновеніе привозить съ собой мѣшокъ, наполненный червонцами. Эти сокровища оставались въ экипажѣ до тѣхъ поръ, пока не составлялась игра. Потомъ за ними командировались дворецкіе, которые и приносили ихъ въ комнаты, гдѣ играли. Неизвѣстно, существовали-ли въ екатерининское время правильно организованныя шайки шулеровъ, какъ это было впослѣдствіи. Кажется, нѣтъ. Что же касается до отдѣльныхъ героевъ зеленаго поля, то они, по всей вѣроятности, не гнушались нѣкоторыми шансами, хотя шансы эти въ доброе старое время далеко не были такъ вѣрны, какъ впослѣдствіи, когда шуллерство для извѣстнаго класса мастеровъ стало наукой.

Симптомы французской революціи, начинавшіе появляться въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, нѣсколько охладили либеральный пылъ россійскихъ петиметровъ. Они перестали разсуждать о правахъ человѣка по Вольтеру и Жанъ-Жаку Руссо, но мода на французскую роскошь не уменьшилась, а напротивъ увеличилась, чему не мало способствовали начинавшіе пріѣзжать изъ Франціи эмигранты; въ особенности ихъ было много въ Петербургѣ и Москвѣ. Русскіе вельможи приняли изгнанниковъ очень радушно: въ каждомъ изъ нихъ они видѣли самаго элегантнаго петиметра, хотя въ числѣ французскихъ эмигрантовъ было не малое число шарлатановъ и проходимцевъ, служившихъ и нашимъ, и вашимъ, то-есть и королю Людовику XVI, и республиканцамъ. Большинство эмигрантовъ сдѣлалось педагогами, стало воспитывать русское юношество и внушать ему, что каждый порядочный человѣкъ долженъ излагать свои мысли не иначе, какъ на французскомъ діалектѣ. Старанія педагоговъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, ихъ теорія привилась: отъ Екатерины II до нашихъ временъ въ извѣстныхъ кружкахъ русскаго общества принято говорить, читать и даже думать по французски! Въ эту эпоху непрошен-

Его Императорское Величество Государь Императоръ на парадѣ л.-гв. Конногренадерскаго полка 1-го іюня.
Со снимка нашего фотографа В. Жицкаго, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

ные гости занесли къ намъ съ Запада много азартныхъ игръ, о которыхъ до того русскіе не имѣли понятія. Въ царствованіе Императора Павла I французскаго петиметра смѣнилъ прусскій солдатъ Фридриха. Метаніе артикула и шпицрутены на время вытѣснили карточную игру. Вельможи минувшаго царствованія разсѣялись по своимъ вотчинамъ и занялись исключительно хлѣбосольствомъ, потихоньку вздыхая о золотомъ вѣкѣ покойной матушки Екатерины. Петербургъ въ эту эпоху представлялъ нѣчто вродѣ громадныхъ казармъ. Съ воцареніемъ Императора Александра I Петербургъ сталъ оживать, но разразился рядъ войнъ съ французами, вскорѣ насталъ 12-й годъ, и обществу было уже не до веселья.

По изгнаніи французовъ изъ предѣловъ Россіи и возвращеніи нашихъ войскъ изъ Парижа, помѣщики долго не могли опомниться, устраивали свои дома въ городахъ и усадьбахъ, и лишь въ концѣ царствованія Александра I Москва нѣсколько отстроилась и приняла видъ города. Игра въ то время существовала только среди военныхъ и комиссаріатскихъ чиновниковъ; баре-помѣщики были озабочены исключительно приведеніемъ въ порядокъ своихъ хозяйствъ. Съ воцареніемъ Императора Николая I жизнь помѣщиковъ-дворянъ стала входить въ свою обычную колею, гостепріимство снова приняло широкіе размѣры, пошли обѣды, балы, вечера, маскарады, а съ ними вмѣстѣ, конечно, раздвинулись и зеленыя поля. При всякомъ многолюдномъ собраніи сначала играли въ коммерческія игры, а позднѣе—и въ азартныя. Въ продолженіе 28-лѣтняго періода царствованія Императора Николая I общество ни разу не было встревожено войнами, грозившими цѣлости Россіи: въ 1829 году война съ Турціей окончилась для насъ благополучно, польское возстаніе въ 30 годахъ также. Что же касается до венгерской войны 1848 г., то это была не война, а пріятная прогулка для всѣхъ военныхъ.

II.

Въ 1830, 40 и 50-хъ годахъ карточная игра въ Россіи росла и, наконецъ, приняла колоссальные размѣры. Въ клубахъ обѣихъ столицъ и губернскихъ городахъ происходила игра отъ одной копѣйки до рубля за фишку въ преферансѣ, палкахъ, пикетѣ и другихъ играхъ. Несмотря на строгое запрещеніе, въ каждомъ клубѣ были отдѣльныя комнаты, гдѣ метали банкъ, штоссъ, ландскнехтъ. Образовались правильно организованныя шайки шуллеровъ, разъѣзжавшихъ по всей Россіи, отъ Чернаго до Бѣлаго моря. Избавиться отъ шуллеровъ не было никакой возможности,—они проникали во всѣ слои общества: въ аристократію, въ средній кругъ, къ военнымъ, къ чиновникамъ, даже къ духовнымъ. Это были правильно организованныя общества, у которыхъ существовали свои законы. Такъ, напримѣръ, если одна компанія дѣйствовала неудачно гдѣ-нибудь въ Лебедяни или Харьковѣ, а другая выигрывала хорошіе куши денегъ на Ирбитской ярмаркѣ, то счастливые мошенники дѣлились честно съ товарищами, потерпѣвшими неудачу. Фальшивые виды, измѣненіе физіономій при помощи париковъ и гримма между шуллерами было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Они проникали въ общество, переодѣвшись въ военные мундиры генераловъ, ремонтеровъ и комиссаріатскихъ чиновниковъ; выдавали себя за купцовъ, именитыхъ банкировъ, иностранныхъ негоціантовъ, пріѣхавшихъ въ Россію съ коммерческими цѣлями; многіе изъ шуллеровъ были прекрасно образованы, владѣли въ совершенствѣ иностранными языками и, надо отдать имъ справедливость, нерѣдко дѣйствовали очень умно. Настоящіе мастера, преслѣдовавшіе широкія цѣли, никогда не задумывались дѣлать предварительныя затраты, чтобы замаскировать свои планы. Они жили въ лучшихъ гостинницахъ, безъ разсчета швыряли деньгами направо и налѣво и, если кому была надобность, покупали товаръ, давали задатки и т. д. Полиція въ эту эпоху была очень снисходительна, а въ особенности полиція земская, на ярмаркахъ. Если, напримѣръ, господину исправнику приходило желаніе спросить видъ у какого-нибудь сомнительнаго коммерсанта, то вмѣсто вида исправникъ обыкновенно получалъ крупную депозитку, вполнѣ довольствовался ею и уже болѣе не безпокоилъ подозрѣваемаго въ продолженіе цѣлой ярмарки. А иногда дѣло устраивалось еще проще. Шуллерская шайка, прибывшая на ярмарку, прямо заявляла исправнику цѣль своего прибытія и преподносила впередъ извѣстный кушъ, обѣщая повторить его по окончаніи ярмарки. Исправникъ бралъ взятку и не только не мѣшалъ шуллерамъ, но даже нѣкоторымъ образомъ способствовалъ ихъ продѣлкамъ, устраивая у себя вечеринки и знакомя съ интересными кліентами. Болѣе всего шуллера неистовствовали въ Кіевѣ „На контрактахъ“ и на ярмаркахъ: Балтской, Роменской, Харьковской, Лебедянской, Макарьевской и Ирбитской. Жертвами ихъ были помѣщики, купцы, ремонтеры, казначеи и комиссаріатскіе чиновники. Рѣдкая большая ярмарка кончалась безъ самоубійства какого-нибудь несчастнаго, проигравшаго казенныя деньги. Но шуллера за свои мошенническія продѣлки на ярмаркахъ почти никогда не бывали въ отвѣтѣ, ибо слѣдствіе по ихъ преступленію производилъ тотъ же исправникъ, получившій малую толику изъ суммы денегъ, выигранной навѣрняка. Въ случаѣ самоубійства обобраннаго, тотчасъ же исправникомъ командировался становой приставъ предупредить шуллера, что, молъ, бѣда стряслась, удирай. Пока судъ, да дѣло, шуллеръ исчезалъ. По слѣдствію оказывалось, что убившаго себя офицера или чиновника обыгралъ, напримѣръ, баронъ Кокъ, который и разыскивался по Россіи посредствомъ публикаціи въ губернскихъ и сенатскихъ вѣдомостяхъ; но такъ какъ баронъ Кокъ было имя вымышленное, то онъ никогда и не могъ быть отысканъ. Шуллерская наука въ 1840-хъ и 50-хъ годахъ прогрессировала. Нѣкоторые мастера доходили до совершенства. Были такіе механики, которые обыграли навѣрняка публику въ клубахъ на новыя карты. Самое главное заключалось въ неимовѣрно быстрой и незамѣтной для глаза держкѣ. Если такой мастеръ садился играть въ палки или преферансъ, то послѣ двухъ, трехъ игръ онъ уже мѣтилъ всѣ тузы и фигуры, а потомъ, сдавая, дергалъ. Мѣтки на картахъ производились двоякимъ способомъ: ногтемъ на углахъ картъ или сверху крапа мастеръ просто ставилъ потные знаки пальцемъ. При хорошемъ освѣщеніи на атласныхъ картахъ такіе знаки были прекрасно видны. Поймать такого молодца почти не было возможности.

III.

Въ 1874 г. я *) жилъ въ Петербургѣ, на Петровскомъ островѣ, и занималъ небольшую дачу. Дня не проходило, чтобы ко мнѣ не заѣзжалъ другъ мой и пріятель, знаменитый тогда куплетистъ И. И. Монаховъ.

Въ началѣ мая, въ одинъ прекрасный день, онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ шикарной коляскѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ тогда чтецомъ, впослѣдствіи актеромъ Александринскаго театра, А. С. Полонскимъ.

Полонскій, — высокій ростомъ, сутуловатый, съ добрымъ, симпатичнымъ лицомъ, съ прелестнымъ органомъ голоса, совсѣмъ простой, ласковый, былъ друженъ со всѣми артистами, и пріѣхалъ подружить и со мной.

— Ну, Костя, — началъ Монаховъ, — онъ давно хотѣлъ съ тобой познакомиться; но когда я сказалъ, что ты играешь въ карты и много проигралъ, то онъ почувствовалъ къ тебѣ такую нѣжность, что тотчасъ взялъ коляску и мы вотъ прикатили къ тебѣ. Самъ-то онъ отчаянный игрокъ и только теперь бредитъ сценой.

Мы подружились и стали сразу на „ты“.

Въ началѣ сентября, только что я переѣхалъ въ городъ, Полонскій заѣхалъ ко мнѣ и говоритъ:

— Пріѣзжай ко мнѣ завтра, возьми рублей 20 и попробуй счастье, можешь много выиграть, игра начнется въ 2 часа.

Онъ жилъ тогда на углу Троицкой и Невскаго. На углу находился въ то время трактиръ, надъ нимъ жилъ Полонскій, и входъ къ нему былъ тотъ же, который былъ и входомъ въ трактиръ. Масса экипажей подъѣзжало къ подъѣзду; но на это никто не обращалъ вниманія, думая, что входятъ въ трактиръ. Я воспользовался приглашеніемъ и въ 3 часа былъ у него на квартирѣ...

Большая комната, полная народу и полная дыму... На двухъ столахъ мечутъ банкъ.

На первомъ столѣ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, сидитъ худенькій, плюгавенькій, съ жидкой бородкой и совсѣмъ лакейской физіономіей, нѣкто Ѳомичъ. Кругомъ стола сидятъ и стоятъ: чиновники, офицеры, сапожники, булочники, портные, между ними знаменитый актеръ П. В. Васильевъ,—весь красный, ажитированный, въ поту, приговаривая довольно комично послѣ всякой битой карты:

— Бейте, бейте, проклятые, опять все взяли!

— А ты не играй!—говоритъ Полонскій.

— А ты не ори!—отвѣчаетъ Васильевъ.

— А! а!—вмѣстѣ въ одинъ голосъ сказали они, обращаясь ко мнѣ.—Здорово!

— Неужто и вы будете играть?—спрашиваетъ Васильевъ.

— Нѣтъ, я только такъ! посмотрѣть.

Кругомъ стола не сидятъ, а стоятъ большіе, извѣстные игроки: два брата Карманъ-Держи, Цомакіони, Разсказовъ, Миткевичъ, Глѣбскій и другіе, бросающіе изрѣдка по 200 и 500 руб., разсчитывая взять навѣрняка.

Братья Карманъ-Держи были извѣстны на югѣ, по преимуществу въ Одессѣ, гдѣ они имѣли собственный домъ и книжный магазинъ на Дерибасовской улицѣ.

IV.

Плюгавый банкометъ, имѣя около себя подъ подсвѣчникомъ 10 тыс. руб. и груду на столѣ всѣхъ сортовъ депозитокъ, пищитъ и споритъ изъ-за 25 коп.

Полонскій — громадина, когда убили ему вторую карту въ 10 рублей, неожиданно для всѣхъ бьетъ себя въ физіономію и со слезами кричитъ:

— За что, братцы? За что это? Десять рублей хотѣлъ взять и сейчасъ бьютъ! Вѣдь какое несчастіе! Вѣдь вотъ сидитъ болванъ (показывая на булочника), семь картъ взялъ и ничего не выигралъ!

— Самъ болванъ!—отвѣчаетъ булочникъ.—Чего ты ревешь и плачешь?

— Саша!—кричитъ съ другого стола банкометъ.—Не реви! Я выигралъ тысячу рублей, получи твои сто рублей!

— Давай!—беретъ Полонскій и сейчасъ ставитъ Ѳомичу 25 руб. и снова оретъ:—Опять

*) Очеркъ ведется отъ имени К. Н. Делазари, бывшаго артиста Императорскихъ театровъ, по сценѣ—Константинова.

убилъ! Ахъ! Охъ!—плачетъ, бѣжитъ въ другую комнату, а я за нимъ.

— Чего ты ревешь?—спрашиваю я.

— Да какъ же не плакать? Знаешь, кто это плюгавенькій, который мечетъ? Вѣдь у него 200 тысячъ рублей! Онъ эти деньги у меня въ домѣ выигралъ!

— Кто?—спрашиваю я.

— Простой ламповщикъ!—громко и драматично отвѣчаетъ онъ мнѣ.

— Александръ Сергѣевичъ! Александръ Сергѣевичъ! Иди и получай твои. Я выигралъ 10 тысячъ, на тебѣ тысячу рублей! Получай и не плачь!—кричитъ бывшій ламповщикъ.

Въ этотъ день до семи часовъ вечера Полонскій получилъ за то только, что у него играли, 2,500 рублей.

Въ семь часовъ кончилась игра, расходятся...

Въ передней стоитъ человѣкъ Полонскаго, Осипъ,—скромно одѣтый, на видъ самый честный и подаетъ всѣмъ пальто. Проходитъ послѣднимъ Ѳомичъ и даетъ человѣку 50 коп. Человѣкъ, взявъ деньги, плюетъ вслѣдъ Ѳомичу и громко говоритъ хозяину:

— Александръ Сергѣевичъ! Ну, есть-ли у него совѣсть? Вѣдь я ему по 5 руб. давалъ на игру, вѣдь я ему же все состояніе проигралъ!

— Да, Костя!—обращается ко мнѣ Полонскій.—Вѣдь у Осипа было 60 тысячъ состоянія. Вѣдь ты видѣлъ ихъ всѣхъ? Онъ имъ все и проигралъ! И человѣкъ какой! Я ему все повѣрю! Ничего, Осипъ, не огорчайся и терпи. На отъ меня 10 рублей!..

— Благодарю покорно!—отвѣчаетъ Осипъ.

Я съ грустью посмотрѣлъ на Осипа, простился и ушелъ...

Всегда на игрѣ у Полонскаго бывалъ высокій ростомъ, довольно красивый мужчина, нѣкто Родныхъ. Онъ бывшій военный музыкантъ, въ отставкѣ унтеръ-офицеръ, держалъ табачную лавочку, а сзади лавочки квартиру, куда собиралось то же общество играть на такихъ же условіяхъ, какъ у Полонскаго.

Всегда между играющими былъ, какъ его называли, „орелъ игры"—богатѣйшій человѣкъ, составившій игрой около милліона,—нѣкто Миткевичъ-Желтокъ.

Онъ самъ любилъ метать банкъ, а потому, когда войдетъ и увидитъ другого, держащаго банкъ, онъ прямо подходитъ, вытаскиваетъ любую карту и ставитъ ва-банкъ.

Увидѣлъ онъ разъ, что Ѳомичъ мечетъ, а въ банкѣ было 10 тысячъ руб. Онъ и сказалъ „ва банкъ!" Ему убили, онъ удвоилъ—убили! Онъ еще—убили! Пять минутъ прошло, Миткевичъ проигралъ 100,000 рублей, и игра кончилась; Полонскій получилъ 10 тысячъ рублей.

Весь нервный, смѣется какъ-то зло, ходитъ Миткевичъ и не знаетъ, на комъ бы ему злобу сорвать.

Остановился и смотритъ въ упоръ на скромно сидящаго купца Бѣлозерова, тогда бѣднаго и больного.

— А вы отчего не играете?—говоритъ онъ ядовито.

— Не съ чѣмъ играть! У меня денегъ нѣтъ!

— Неужто у васъ и рубля нѣтъ?

— У меня и 50 копѣекъ нѣтъ!

— Жалко!—отвѣчаетъ Желтокъ.—А я бы съ вами поигралъ!

Смотритъ, у Бѣлозерова въ рукахъ старый, громадной величины оригинальный картузъ.

— А вотъ что! Мнѣ вашъ картузъ нравится, заложите его въ банкъ!

— Да что, онъ и 50-ти коп. не стоитъ!

— Нѣтъ! Для меня онъ стоитъ 10 рублей, заложите!

— Если 10 рублей, извольте!—говоритъ Бѣлозеровъ и заложилъ шапку.

Гербъ рода Карагеоргіевичей.

Всѣ подрядъ Бѣлозеровъ убилъ карты Миткевичу, и когда Миткевичъ проигралъ 14 тысячъ, Бѣлозеровъ кончилъ и при громѣ рукоплесканій вышелъ отъ Полонскаго, а съ нимъ вмѣстѣ убѣжалъ Миткевичъ и всю дорогу билъ себя по щекамъ.

Совсѣмъ нищій, несчастный Бѣлозеровъ, истративъ изъ 14-ти тысячъ только 500 рублей, на другой день съ 13,500 рублями пришелъ къ Родныхъ.

Увидѣлъ его Миткевичъ, обрадовался и говоритъ:

— Пропалъ я! Если я вчера на 10 рублей проигралъ 14 тысячъ, что же сегодня проиграю? Будешь метать?

— Извольте!—говоритъ Бѣлозеровъ и заложилъ 500 рублей. 27 банковъ по 500 рублей Миткевичъ сорвалъ и когда денегъ у него не осталось, Миткевичъ говоритъ:

— Ну, теперь шапку!

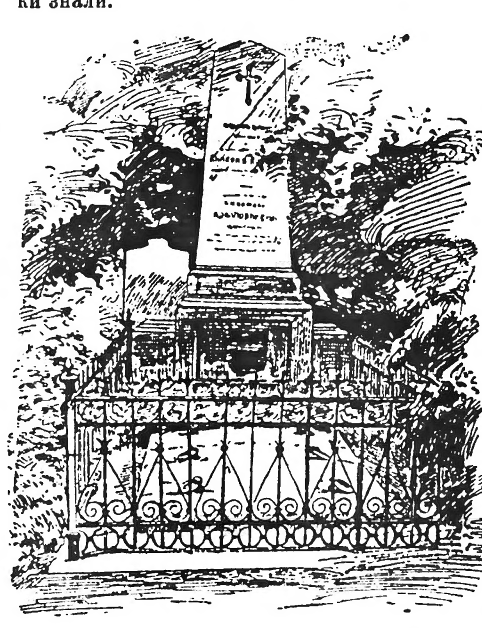
Бѣлозеровъ заложилъ и проигралъ. Миткевичъ потребовалъ ножницы и изрѣзалъ эту шапку на кусочки, съ прискокомъ приговаривая:

— Болванъ, дуракъ, вѣдь могъ остаться нищимъ!

Бѣлозеровъ въ хозяйской шапкѣ ушелъ домой, а Миткевичъ вскорѣ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ умеръ, отравленный тѣмъ, кому завѣщалъ состояніе.

V.

Аккуратно черезъ день я бывалъ на игрѣ у Полонскаго и Родныхъ. Общество было одно и то же, игра была честная. Никогда никто не могъ смошенничать, потому что кругомъ стояло человѣкъ двадцать, которые всѣ штуки знали.

Фамильный склепъ князей Карагеоргіевичей въ Вѣнѣ.

Никогда никто изъ банкометовъ, выигравши 10 или 15 тысячъ, проигравшему и пяти рублей не давалъ на извозчика; но хозяева зато были любезны и проигравшему 10 тысячъ рублей сами любезно предлагали отъ 25-ти до 50-ти рублей. Угощали они публику совсѣмъ почти одинаково, т. е. передъ обѣдомъ каждый могъ выпить водки и закусить селедкой, а обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ: супа съ пирогомъ и на второе ростбифъ или телятина, послѣ обѣда чай, а кто хочетъ,—кофе.

Здѣсь въ этихъ домахъ я въ первый разъ услышалъ имя А. А. Ивашева. Имя это произносилось съ большимъ почтеніемъ и уваженіемъ. Проиграется, напримѣръ, кто-нибудь и начинаетъ придираться къ хозяевамъ. Не понравится ему супъ или жаркое, онъ и говоритъ:

— Что это вы даете ѣсть намъ? Забираете столько денегъ и не можете дать хорошаго супа, вѣдь это помои!

— Извините!—ядовито отвѣчаетъ хозяинъ,—я, вѣдь, господа, не Ивашевъ! У меня князей, графовъ и генералъ-адъютантовъ не бываетъ! Я на золотѣ не ѣмъ! Я человѣкъ простой, у меня все просто, извините!

— А кто это Ивашевъ?—спросилъ я разъ у Полонскаго.

— Голубчикъ, Костя! — отвѣтилъ Полонскій.—Это, братъ, милліонеръ, вельможа! Намъ съ тобой не видать его, какъ ушей своихъ! Тамъ бываютъ тузы. Ивашевъ—это, братецъ, „король банкометовъ." Эхъ!—и онъ вздохнулъ,—это настоящій баринъ!

— Интересно!—подумалъ я.—Вотъ бы туда попасть!

Въ теченіе пяти мѣсяцевъ Полонскій и Родныхъ за карты получили по 25 тыс. руб. Захотѣлось имъ больше и они стали сами держать банкъ, т. е. рублемъ метать. Родныхъ все проигралъ въ недѣлю, а Полонскій въ одинъ вечеръ, въ игорномъ домѣ у А. И. Бурдукова.

Домъ Бурдукова былъ совершенно такой же, какъ эти два, и общество собиралось почти одно и то же.

Въ домахъ этихъ никакихъ разговоровъ не было, кромѣ картъ. Никто не вмѣшивался ни во что, ни въ политику, ни литературу, ни въ сплетни. Война-ли гдѣ? Перерѣжь всѣ другъ друга, а тамъ одно и то же: X. выигралъ, У. проигралъ, несмотря на то, что получилъ 9 картъ.

Вотъ во время такого разговора вбѣгаетъ разъ къ Полонскому извѣстный игрокъ, отставной капитанъ Болтундъ.

— Ну, господа, былъ я вчера у Ивашева; князь С. со 100 рублями выигралъ 200 тысячъ! Но какое общество! Одинъ богаче и знатнѣе другого! Какой обѣдъ! Человѣкъ 30 тамъ было: Айвазовскій, Апухтинъ, Некрасовъ, В. В. Самойловъ, множество генераловъ, графовъ, князей. Ивашевъ проигралъ 20 тысячъ и какъ съ гуся вода! Хохочетъ, смѣется. Потомъ сѣлъ играть въ винтъ, но я счастливъ—выигралъ 800 руб.

„Ахъ, счастливецъ!—подумалъ я,—какъ бы мнѣ хоть увидѣть этого Ивашева!"

Прошло послѣ этого два дня, я пошелъ къ знаменитому артисту В. В. Самойлову въ $2^1/_2$ часа обѣдать. Не успѣлъ я и поговорить съ хозяиномъ, какъ раздается звонокъ и человѣкъ докладываетъ: „А. А. Ивашевъ!" В. В. Самойловъ обрадовался и тотчасъ сказалъ:

— Проси!

Я въ ожиданіи счастья зажмурилъ глаза, приготовляясь увидѣть мою мечту, мое солнце.

Вошелъ толстый гусарскій поручикъ, по виду ремонтеръ, съ простымъ, добродушнымъ лицомъ, съ длинными усами, весь надушен-

Принцесса Зорка, дочь кн. Черногорскаго, супруга сербскаго короля Петра I. † въ 1891 г.

ный, въ бѣлыхъ, чистыхъ перчаткахъ, которыя, здороваясь и куря папиросу, онъ не снималъ, и пискливымъ, рѣзкимъ голосомъ, сильно картавя, заливаясь смѣхомъ, заговорилъ:

— Ахъ, Василій Васильевичъ, какъ я радъ васъ видѣть! вы себѣ представить не можете, до чего мнѣ было вчера грустно, что васъ не было! У меня собрались обѣдать: графъ Кушелевъ-Безбородко, князь Иванъ Грузинскій, князь Орбеліани, камергеръ Дохтуровъ, И. К. Айвазовскій, пропасть народу! и всѣ рѣшительно въ одинъ голосъ: Что же нѣтъ нашего милѣйшаго, прелестнѣйшаго, умнѣйшаго Василія Васильевича? Это совершенно все равно, ха! ха! ха!— что, когда я былъ въ Лондонѣ съ Иваномъ Осиповичемъ Утинымъ и мы задали роскошный обѣдъ Герцену и Огареву. Обѣдъ на 4 персоны мнѣ стоилъ 1,000 ф., т. е. 10 тысячъ рублей!

Я невольно вскрикнулъ:—Неужто 10 тысячъ рублей!

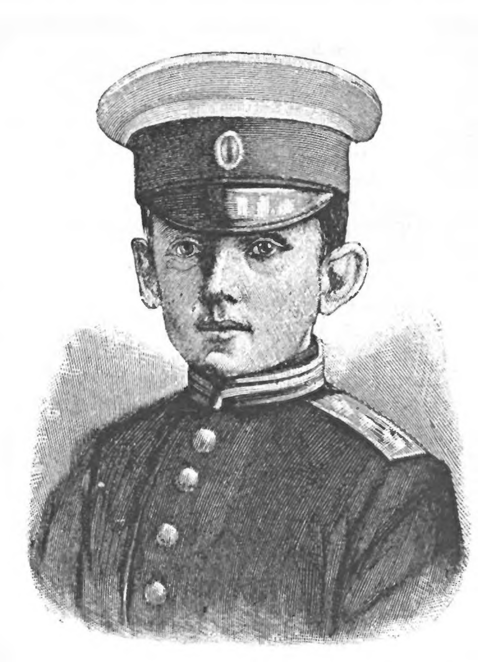
— Ахъ, я и забылъ вамъ представить,— сказалъ Самойловъ,—АлександръАлександровичъ! Это нашъ новый артистъ, привезенный изъ Москвы, Константиновъ!

— Очень радъ!—сказалъ Ивашевъ.—Очень пріятно! Москва—прелесть! Это мой какъ будто родной городъ. Ха! ха! ха!—и онъ запѣлъ фальцетомъ:—Ахъ, Москва, Москва!...— А вы въ Лондонѣ никогда не бывали?

— Нѣтъ,—я говорю,—никогда!

Александръ Карагеоргіевичъ, князь Сербіи съ 1843—1858 гг.

Георгій Петровичъ, наслѣдникъ сербскаго престола.

Самойловъ засмѣялся, а Ивашевъ продолжалъ:

— Да-съ, милостивый государь, 10 тысячъ рублей! И что-жъ вы думаете,—ничего особеннаго за обѣдомъ! Конечно, сервировка великолѣпная, роскошная! У насъ нѣтъ во дворцѣ, да не то что у насъ, а этакой сервировки нѣтъ и въ Тюльери, въ Парижѣ. А обѣдъ! Ну, какъ бы вамъ сказать? Роскошный ростбифъ, прелестная ветчина фунтовъ въ 60 и, понимаете, дорогой Василій Васильевичъ, вѣдь, это не русская, а англійская свинья! Да, у насъ такихъ свиней и нѣтъ!

Кара-Георгій Петровичъ, первый князь Сербіи, основатель династіи Карагеоргіевичей, † въ 1817 г.

Сербскій король Петръ I. Съ послѣдней фотографіи, сдѣланной въ Женевѣ.

Милошъ Обреновичъ,
князь Серб.и съ 1817 - 1843 гг.

— Ну, положимъ, Александръ Александровичъ, это вздоръ,— сказалъ Самойловъ,—у насъ есть какія угодно свиньи!

Мы засмѣялись, засмѣялся и Ивашевъ и продолжалъ:

— Такъ вотъ, Огаревъ и говоритъ, обращаясь ко мнѣ: „Да, А. А., спасибо вамъ! Хорошо все это, вкусно, но нѣтъ! Не вижу я Россіи,а, ей-Богу, по моему простыя щи гораздо вкуснѣе этого роскошнаго обѣда“... Такъ вотъ и вчера: все хорошо, а Василія Васильевича нѣтъ!

Сказавши все это безъ передышки, онъ всталъ:

— Ну, извините, дорогой, я заболтался, да и вамъ пора обѣдать; теперь уже вашъ часъ! —простился и ушелъ.

Только что онъ ушелъ, В. В. говоритъ:

— Замѣчательнѣйшій человѣкъ,—добрый, хорошій, веселый, умный, но болтунъ!

Черезъ нѣсколько дней въ артистическомъ клубѣ извѣстный актеръ и чтецъ П. А. Никитинъ устроилъ свой концертъ. Участвовали: Кронбергъ, Чернявская, Абаринова, Монаховъ, Полонскій, Горбуновъ и я.

Въ первомъ ряду сидѣлъ Ивашевъ...

Спѣлъ я „Стараго капрала“ Даргомыжскаго. Въ антрактѣ подошелъ ко мнѣ Ивашевъ, наговорилъ любезностей и просилъ заходить къ нему.

Увидѣлъ Полонскій, что я съ нимъ говорю, и какъ только онъ отъ меня отошелъ, ко мнѣ подходитъ:

— Костя! Ты знакомъ съ Ивашевымъ!? Онъ просилъ тебя бывать?

Королева Наталія, супруга Милана,
мать короля Александра.

— Да,—отвѣчаю я.

— Экій счастливецъ!—драматично сказалъ Полонскій.—Господи, Боже мой! Клянусь тебѣ, я вотъ теперь совсѣмъ проигрался; но позови меня Ивашевъ къ себѣ, я бы... я бы... 1,000 рублей далъ! Будь умница! Не откладывай въ долгій ящикъ и скорѣй къ нему иди!

VI.

Такъ меня убѣдительно уговорилъ Полонскій, что я на другой день отправился къ Ивашеву.

На Фонтанкѣ, второй домъ отъ Аничкина моста, въ домѣ Любомірской, весь бельэтажъ занималъ А. А. Ивашевъ.

Громадная швейцарская... На вопросъ мой, дома-ли А. А. Ивашевъ, швейцаръ, видя меня въ первый разъ, отвѣчалъ:

— Не могу знать! А вотъ я позвоню ихъ человѣка, онъ знаетъ!

Звонитъ. Выходитъ красивый господинъ, брюнетъ, съ баками, похожій на большого чиновника; я ему далъ карточку, прочиталъ онъ иностранную фамилію и сказалъ по французски:

— Извините! Я уходилъ, только что пришелъ, сейчасъ доложу, если дома, то...

Памятникъ въ Бѣлградѣ князю Михаилу Обреновичу,
павшему отъ руки убійцы 29-го мая 1868 г.

— Пожалуйста!—отвѣтилъ я по русски.

— Просятъ!—сказалъ человѣкъ и ввелъ меня въ роскошный кабинетъ, полный бронзы, фарфора. Письменный столъ уставленъ дорогими бездѣлушками, на стѣнахъ роскошныя картины, и на видномъ мѣстѣ стоитъ роскошная кровать съ готовой постелью.

— А—а!—радостно, привѣтливо меня встрѣтилъ хозяинъ.—Какъ я счастливъ и радъ васъ видѣть! Не хотите ли закусить? Что хотите? Что вамъ угодно, сейчасъ будетъ. Хотите по англійски бифштексъ? Вина? какого угодно! Эй! человѣкъ!—кричитъ онъ.—Поскорѣй накрой столикъ и подавай!

— Ради Бога, не нужно!—сказалъ я.—Я только что ѣлъ.

— Ну, какъ хотите!—отвѣтилъ онъ.—Только прошу не церемониться и меня не огорчать!

— Ну, а отъ чая отказываться нельзя, я самъ съ вами выпью! Подали чай.

— Какъ у васъ здѣсь хорошо!—началъ я.—Какія картины! Это кто же?—показываю я на картину, на которой Наполеонъ III нарисованъ со всѣми придворными и собаками ѣдущимъ на охоту.

— Это я пріобрѣлъ отъ французскаго посла, Флери. Здѣсь самые лучшіе портреты всѣхъ вельможъ и всѣхъ собакъ.

— Извините меня, А. А.! Почему здѣсь стоитъ постель?

— Ахъ, это самая дорогая для меня вещь: на этой постели, въ этой самой квартирѣ, скончался герой нашъ, генералъ Рулевъ!

Михаилъ Обреновичъ,
князь Сербіи съ 1858—1868 гг.

— Какимъ это образомъ?—спросилъ я.

— Да, батюшка,—сказалъ онъ грустно.—Вѣдь онъ былъ мой большой пріятель и даже другъ!

VII.

Прежде чѣмъ продолжать дальше, я долженъ сказать, что всѣмъ было извѣстно, что А. А. Ивашевъ, вѣря въ силу банка, поддерживалъ знакомыхъ банкометовъ... Зная, что генералъ Рулевъ матеріально нуждался, онъ предложилъ ему устроить въ своей квартирѣ игру въ банкъ, давая ему каждый разъ сто рублей на расходъ и 25 проц. съ чистаго выигрыша.

Лучшее общество того времени считало за честь бывать въ домѣ героя.

Игра всегда велась чинно, тихо, безъ шума, спора; скандаловъ никогда не бывало. Понтеръ могъ ставить кушъ, какой хотѣлъ, деньги впередъ никогда не требовались, но если карта была черезчуръ большая и давалась, то банкометъ любезно просилъ понтирующаго показать деньги, соотвѣтствующія выигрышному кушу. Таково было неизмѣнное правило для всѣхъ. Впрочемъ, подобной повѣрки почти никогда не бывало, потому что общество, посѣщавшее салонъ Рулева, было очень элегантно, притомъ же его хорошо знали какъ самъ хозяинъ, такъ и банкометъ. Въ то время носились слухи, будто Ви-

Миланъ Обреновичъ,
князь, въ послѣдствіи король Сербіи съ 1868—1889 гг.

хоркинъ, мечущій банкъ у Рулева,—отщепенецъ шулерской шайки и превеликій мастеръ по части метки, но эти слухи распускали шулера, которые были сердиты на генерала Рулева; слѣдовательно, никто не имѣлъ никакого основанія утверждать, что въ домѣ его превосходительства обыгрывали навѣрняка. Положительно извѣстно было лишь то, что въ домѣ генерала Рулева на вечерахъ всѣ вели себя чрезвычайно прилично и не было никогда скандаловъ. Ровно въ одиннадцать часовъ вечера подавали чай съ ямайскимъ ромомъ, сливками, вареньемъ, лимономъ и самыми вкусными мелочами. Въ два часа сервировали ужинъ, не въ столовой, какъ это обыкновенно дѣлается, а на столикахъ, разставленныхъ по стѣнамъ громаднаго зала. Совершенно незамѣтно, какъ по волшебству, въ извѣстное время на этихъ столикахъ являлись разныя соленыя закуски, маіонезы, рябчики, фазаны, страсбургскіе пироги, различныя желе, кремы, разныхъ сортовъ водки, тонкія вина и замороженое шампанское въ серебряныхъ вазахъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ хозяину оффиціантъ подалъ на серебряномъ подносикѣ визитную карточку.

— Это отъ кого?—спросилъ генералъ, разсматривая карточку.

— Не могу знать, ваше превосходительство,—отвѣчалъ оффиціантъ,—какой-то иностранецъ мнѣ далъ, просилъ доложить вамъ; онъ тамъ, на площадкѣ, дожидается.

— Я, кажется, никакого иностранца не знаю и не ждалъ къ себѣ въ гости,—отвѣчалъ въ раздумьи генералъ.

— Позвольте мнѣ посмотрѣть карточку,—сказала одна изъ дамъ, англичанка, интимный другъ Ивашева.

Генералъ передалъ ей карточку, она взглянула на нее и замѣтила, что Вильямсъ—фамилія, извѣстная въ Европѣ и Америкѣ.

— Да мало-ли извѣстныхъ фамилій,—возразилъ генералъ,—есть однофамильцы Ротшильда, Рубинштейна, Демидова, Шереметева и т. д. Всѣ эти господа однофамильцы черезчуръ злоупотребляютъ своими фамиліями, и часто довѣрчивые люди попадаются имъ на удочку... Просто, должно быть, какой-нибудь проходимецъ! Помилуйте, безъ всякой рекомендаціи вечеромъ является въ домъ и посылаетъ черезъ лакея свою карточку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Адель или Катарина?

Вѣнская газета сообщаетъ о замѣчательномъ процессѣ, надъ которымъ въ настоящее время ломаютъ головы французскіе судьи и нити котораго тянутся въ Франкфуртѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ.

Три года тому назадъ въ Вѣнѣ проживала вдова одного чиновника, Марія Решицъ съ двумя четырнадцатилѣтними дочерьми — Аделью и Катариной, прелестными дѣвочками, увидѣвшими свѣтъ въ одинъ и тотъ же день и часъ. Сходство сестеръ-близнецовъ было такъ велико, что ихъ постоянно всѣ смѣшивали—и знакомые, и родные. Если бы кто-нибудь, когда-нибудь думалъ, что это поразительное сходство можетъ послужить серьезной причиной сенсаціоннаго процесса, то, вѣроятно, постарались бы удержать въ памяти какіе-нибудь болѣе точные признаки каждой сестры.

Вдова, проживъ остатки своего состоянія, принуждена была искать какого-нибудь заработка, чтобы содержать себя и дочерей. По совѣту одного родственника, проживавшаго на югѣ Франціи, она отправилась въ Баньеръ-де-Люшоннъ и устроила тамъ,—пользуясь своимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, пансіонъ для пріѣзжихъ иностранцевъ. Пиринейскій курортъ этотъ былъ тогда въ большой модѣ. Туда съѣзжались не только больные, но и здоровые; двадцати-однодневное пребываніе въ Люшоннѣ считалось особенно въ модѣ у знатныхъ англичанъ и парижанъ.

Но гораздо дольше трехъ недѣль прожилъ у госпожи Решицъ,—пансіонъ которой процвѣталъ,—молодой французъ, Эдуардъ Ронтабъ, племянникъ извѣстнаго милліардера. Онъ страстно влюбился въ сестеръ близнецовъ и просилъ одну изъ нихъ себѣ въ жены. Все равно которую, ибо онѣ были похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды:—ростомъ, фигурой, лицомъ, движеніями, даже цвѣтомъ бѣлокурыхъ волосъ.

Сестры-близнецы были вообще достопримѣчательностью Люшонна, и всѣ пріѣзжіе иностранцы горѣли однимъ желаніемъ: познакомиться съ Аделью и Катариной Решицъ, отличавшимися ослѣпительной красотой. Онѣ получали массу предложеній замужества и мать ихъ съ трудомъ рѣшилась отдать руку своей дочери, Адели, двадцатитрехлѣтнему Эдуарду Ронтабу. Обѣ дочери держали себя по отношенію къ французу очень сдержанно и предоставили рѣшеніе своей матери. Дядя жениха сперва былъ противъ брака; онъ зналъ легкомысліе и измѣнчивость молодого человѣка. Но въ концѣ концовъ онъ согласился, предоставивъ благоразумно племяннику ежегодную сумму въ сорокъ тысячъ рублей, съ условіемъ, что онъ будетъ получать эту сумму до тѣхъ поръ, пока оба супруга будутъ жить вмѣстѣ и не разойдутся. Разумѣется, онъ надѣялся, что при такихъ условіяхъ молодая пара дольше проживетъ вмѣстѣ; такой же параграфъ былъ и въ завѣщаніи дяди. Свадьба Эдуарда Ронтаба съ Аделью Решицъ была отпразднована съ большей помпой въ Баньеръ-де-Люшоннѣ. Между гостями находился неизмѣнный посѣтитель курорта, бельгійскій король Леопольдъ. Противъ ожиданія бракъ былъ несчастливъ. По словамъ трехъ другихъ племянниковъ умершаго дяди, затѣявшихъ процессъ, произошло вскорѣ послѣ свадьбы слѣдующее:

Въ прошломъ году молодая чета прибыла въ Франкфуртъ и чуть не на другой же день новобрачная Адель Ронтабъ бѣжала съ однимъ бывшимъ гвардейскимъ офицеромъ и не вернулась больше къ своему супругу, а поселилась вмѣстѣ со своимъ соблазнителемъ въ Берлинѣ. Эдуардъ Ронтабъ вернулся назадъ въ Люшоннъ одинъ. Такъ какъ супруги разошлись, то, по параграфу завѣщанія, Эдуардъ Ронтабъ лишался сорока тысячъ рублей годового содержанія. Эту сумму три другіе племянника потребовали себѣ.

Эдуардъ Ронтабъ однако не признаетъ ихъ правъ на самомъ простомъ основаніи: исторія исчезновенія жены его вымышленна и онъ счастливо живетъ съ ней вмѣстѣ. И дѣйствительно, онъ живетъ въ одномъ изъ пиренейскихъ замковъ вмѣстѣ съ женой. Но противники его, начавшіе процессъ, утверждаютъ, что эта женщина не Адель, а сестра-близнецъ, Катарина. Адель же находится у своего соблазнителя. Для доказательства отыскали яко бы убѣжавшую г-жу Ронтабъ, но та точно и ясно имъ разъяснила, что ее смѣшали съ ея сестрой Аделью, что она не госпожа Ронтабъ, а Катарина Решицъ и выходитъ замужъ за своего офицера. Единственныя лица, которыя бы могли дать вѣрныя указанія въ этомъ дѣлѣ — мать и горничная. Но мать вполнѣ на сторонѣ своего зятя, а отъ горничной чего-нибудь выпытать было нельзя. Во избѣжаніе вѣчныхъ розысковъ и допросовъ, мать переселилась въ Парижъ. Сыщики противниковъ Эдуарда Ронтабъ рыщутъ по Вѣнѣ, Франкфурту и Берлину, добиваясь какихъ-нибудь точныхъ указаній для удостовѣренія личности Адели и Катарины.

Страшная историческая загадка.

„Желѣзная маска“—Карлъ I, король Англіи?

Историческія изслѣдованія, серьезная литература и даже бульварные романы часто посвящались таинственной исторической загадкѣ,—кто былъ „Желѣзной маской“.

„Желѣзная маска“--извѣстный узникъ, котораго французскій король Людовикъ XIV продержалъ съ 1661 г. до 1703 г. въ заключеніи въ различныхъ крѣпостяхъ: Гвиньеролѣ, Экзилѣ, на островѣ св. Маргариты и, наконецъ, въ Бастиліи, причемъ несчастнаго съ необыкновенной заботливостью охраняли отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ.

Прозвище „Желѣзная маска“ таинственный узникъ получилъ потому, что онъ долженъ былъ постоянно скрывать свое лицо маскою; нижняя часть маски, прикрывающая подбородокъ, была сдѣлана изъ желѣза. Впослѣдствіи маска эта была замѣнена бархатной. Что же касается личности этого узника, то вотъ что мы можемъ заключить о ней по имѣющимся у насъ немногимъ, но достовѣрнымъ свѣдѣніямъ: это былъ красивый, мягкій въ обращеніи человѣкъ, съ юношеской, гордой осанкой, указывавшей на его благородное происхожденіе, блондинъ, со смуглымъ цвѣтомъ лица и въ высшей степени симпатичнымъ голосомъ. Онъ былъ очень уменъ, разносторонне образованъ и могъ съ одинаковымъ знаніемъ дѣла толковать о политикѣ и теологіи, объ исторіи и придворныхъ сплетняхъ. Вѣроятно, онъ долго путешествовалъ, такъ какъ прекрасно владѣлъ многими языками. Говорилъ онъ обыкновенно по-французски, но съ замѣтно англійскимъ акцентомъ, а потому многіе принимали его за англичанина. По другимъ же свѣдѣніямъ, онъ говорилъ на чисто французскомъ языкѣ безъ всякаго иностраннаго акцента.

Время свое онъ проводилъ за чтеніемъ, любилъ много гулять, хотя бы въ предѣлахъ тюремной ограды. Онъ носилъ тонкое бѣлье, любилъ дорогія кружева и часто облачался въ своей одинокой кельѣ въ роскошный халатъ изъ чернаго и желтаго шелка, расшитый позолоченными цвѣтами, что давало мѣстнымъ жителямъ поводъ считать его турецкимъ принцемъ. Нѣкоторые же считали его армянскимъ патріархомъ. Немногія лица, окружавшія его, должны были соблюдать по отношенію къ нему извѣстный этикетъ: за все время его долгаго заключенія комендантъ крѣпости, грубый Сентъ-Марсъ, и гарнизонные офицеры разговаривали съ нимъ стоя и почтительно снимали шляпы, выжидая разрѣшенія одѣть ихъ, и даже самъ всесильный и заносчивый министръ Людовика XIV маркизъ Лувуа стоялъ передъ нимъ на вытяжку и бесѣдовалъ съ нимъ съ необыкновенной почтительностью.

Кто же былъ этотъ таинственный, несчастный человѣкъ съ желѣзной маской на лицѣ?

Прежде всего онъ, конечно, былъ близокъ къ французскому королевскому дому.

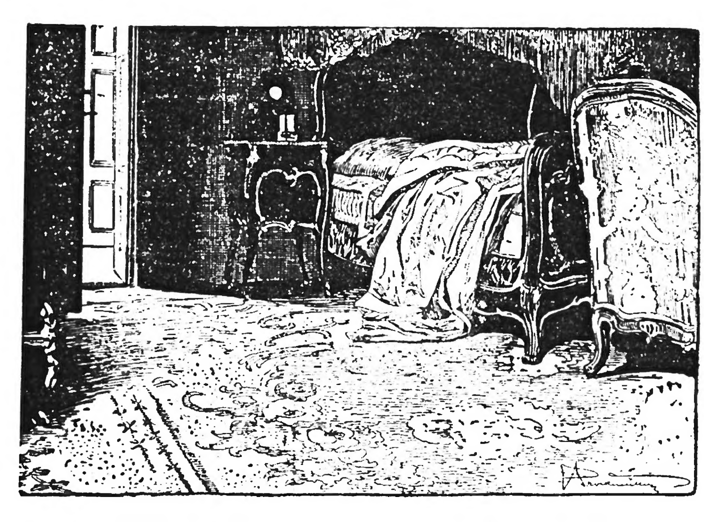
Знаменитый историкъ Гиббонъ говоритъ: „Слишкомъ опасныхъ узниковъ убиваютъ, такъ какъ изъ всѣхъ мѣръ предосторожности лучшія — мечъ и кубокъ съ ядомъ. Только тѣсныя связи могли побудить рисковать скорѣе обнаруженіемъ тайны, нежели пролитіемъ крови страдальца“.

И далѣе объ отношеніяхъ Лувуа къ „Желѣзной маскѣ“: „Очень высокаго происхожденія долженъ быть узникъ, предъ которымъ этотъ гордый и вліятельный министръ французской монархіи почтительно склоняетъ голову“. Какую огромную опасность представляло собой обнаруженіе инкогнито „Желѣзной маски“, доказываютъ не только строгія мѣры предосторожности, предписанныя при жизни этой загадочной личности: по смерти узника, послѣдовавшей 19 ноября 1703 г. въ Бастиліи, все находившееся въ его камерѣ было сожжено, разрушено и уничтожено, и не только мебель и утварь, но даже полы, окна и рамы. Штукатурка со стѣнъ и камина была снята изъ опасенія, не сдѣлалъ-ли онъ какой-либо надписи на ней, а когда кто-то изъ любопытныхъ проникъ ночью въ склепъ и вскрылъ гробъ, онъ нашелъ въ немъ трупъ безъ головы...

Загадочная исторія „Желѣзной маски“ давно уже занимаетъ многихъ изслѣдователей, въ числѣ которыхъ упомянемъ Вольтера; въ новѣйшее время надъ этимъ вопросомъ особенно старательно поработалъ ученый Функъ-Брентано. Намъ извѣстенъ лишь псевдонимъ бастильскаго узника и гласитъ онъ: Марчіали.

Карла-Фердинанда, герцога Мантуи, который, какъ завѣдомый и опасный врагъ Франціи, былъ по приказу короля схваченъ и подвергся заключенію. Несмотря на остроуміе, съ которымъ Брентано обосновываетъ свою гипотезу, она менѣе другихъ удовлетворяетъ фантазіи современнаго читателя.

Насколько же разыгрывается фантазія при разрѣшеніи этой загадки, доказываетъ только что вышедшая въ свѣтъ и толкующая по этому вопросу книжка. Книжка вышла подъ названіемъ „Желѣзная маска“ или „Чрезъ два столѣтія“; авторъ ея, г-жа Вагеманъ (вѣроятно, придворная воспитательница, ибо книжка посвящена „высокой ученицѣ принцессѣ Теодорѣ Шлезвигъ-Голштинской“), создаетъ совершенно новую, прекрасную, но маловѣроятную гипотезу. Тѣмъ не менѣе доводы автора очень интересны. Г-жа Вагеманъ исходитъ изъ указанной мысли Гиббона и отсюда заключаетъ: „Правда, если Лувуа принужденъ былъ оказывать особыя почести заключенному, то послѣдній долженъ быть *царемъ или королемъ какой-либо великой державы*“. И замѣтимъ, она проявляетъ богатую фантазію въ поискахъ за узникомъ-монархомъ. Она отрицаетъ правдивость гипотезы, согласно которой сынъ Карла II и Люси Вальтеръ, герцогъ Монмутъ, приговоренный 15 іюля 1685 г. въ Лондонѣ къ смертной казни за заговоръ противъ своего дяди Якова II, удачно избѣжавшій наказанія, былъ загадочной „Желѣзной маской“. Г-жа Вагеманъ полагаетъ, что другое лицо, по историческимъ даннымъ казненное на эшафотѣ, на самомъ дѣлѣ избѣжало смерти, и это лицо не кто иной, какъ Карлъ I, король англійскій...

Спальня короля Александра и королевы Драги въ ужасную ночь убійства.

Уборная королевы Драги (налѣво зеркальная дверь, черезъ которую убѣжала королевская чета).

Когда Бастилія въ 1789 году (великая французская революція) была разрушена, то въ „книгѣ регистраціи заключенныхъ“ открыли недостатокъ нѣсколько вырванныхъ страницъ,—онѣ то, повидимому, и относились къ „Желѣзной маскѣ“.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что всѣ попытки разрѣшить такъ или иначе загадку „Желѣзной маски“ мы должны считать болѣе или менѣе приближающимися къ истинѣ, болѣе или менѣе вѣроятными. По одной версіи „Желѣзная маска“—молодой, знатный чужестранецъ, камергеръ и фаворитъ королевы Анны, супруги Людовика XIII, вся вина котораго состояла въ томъ, что онъ былъ настоящимъ отцомъ Людовика XIV.

Была придумана и другая версія, по которой узникъ—близнецъ Людовика, устраненный для избѣжанія споровъ о престолонаслѣдіи, версія многократно использованная романистами. Были и другія предположенія: герцогъ Вермандуа, давшій дофину пощечину, летрингскій рыцарь фонъ-Гармуазъ, опасный благодаря своему знанію многихъ важныхъ тайнъ, генералъ-лейтенантъ Булонъ, герцогъ Бофоръ, графъ Лозюнъ, интендантъ Фукэ, патріархъ Арвендикъ и даже сынъ Оливера Кромвеля. Большинство изъ этихъ гипотезъ признаны безусловно ложными.

Функъ-Брентано полагаетъ, что узникомъ былъ графъ Маттіоли, министръ

За недостаткомъ мѣста, мы не будемъ приводить всѣхъ доказательствъ, которыми г-жа Анна Вагеманъ подтверждаетъ свое предположеніе. Она утверждаетъ, что оффиціальныя данныя о приведеніи приговора въ исполненіе не мѣшаютъ признать правдивость ея гипотезы: „огромная толпа народа, собравшаяся на зрѣлище смертной казни, солдаты, сдерживавшіе ея напоръ на эшафотъ,—всѣ были убѣждены, что человѣкъ, одѣтый въ королевское платье, былъ именно королемъ Карломъ I. И если даже черты лица его и голосъ измѣнились, то не было-ли это вполнѣ естественно послѣ долгаго заключенія, послѣ всѣхъ душевныхъ мукъ, которыя онъ пережилъ въ томъ страшномъ волненіи, которое испытывалъ при видѣ орудій смертной казни, не вполнѣ-ли понятно, *что онъ внезапно посѣдѣлъ?* Спутникъ короля, бишофъ Юксонъ, былъ его духовнымъ отцомъ и другомъ. Кто исполнялъ обязанности палачей, осталось невыясненнымъ, такъ какъ они противъ обычая были въ маскахъ, что вызвало много толковъ и дало пищу различнымъ предположеніямъ. Нѣкоторые полагали, что главнымъ палачемъ былъ одинъ изъ слугъ короля; во всякомъ случаѣ, онъ не былъ врагомъ, потому что говорилъ съ осужденнымъ съ сердечной грустью. Быть можетъ, оба они были тайными сторонниками короля и знали о состоявшемся подмѣнѣ, а изъ немногихъ особъ, бывшихъ по близости его, находился полковникъ Томлинсонъ, одинъ изъ бывшихъ враговъ, превратившихся въ преданныхъ друзей. „Король, — разсказываетъ Бюрнэ,—проявлялъ спокойствіе и твердость воли, приводившія всѣхъ въ изумленіе, тѣмъ болѣе, что эти качества не были свойственны его характеру.

Когда голова несчастнаго была отдѣлена отъ туловища, приблизился Кромвель (онъ наблюдалъ за казнью изъ окна), поднялъ и долго въ раздумьи разсматривалъ ее. Кто знаетъ,—не сомнѣвался-ли онъ въ этотъ моментъ въ личности осужденнаго?“

Авторъ доказываетъ затѣмъ полное тождество „Желѣзной маски“ съ осужденнымъ 9 февраля 1649 г. англійскимъ королемъ Стюартомъ Карломъ I и полагаетъ, что политическія соображенія побудили Людовика XIV держать въ заточеніи короля вплоть до самой смерти, несмотря на то, что въ лицѣ сына Карла I династія Стюартовъ была въ Англіи возстановлена.

Авторъ твердо держится своего мнѣнія: несмотря на те, что загадочный узникъ въ годъ своей смерти (въ 1703 г.) долженъ былъ бы имѣть почтенный возрастъ ста трехъ лѣтъ (Карлъ I родился въ 1600 г.), г-жа Вагеманъ настаиваетъ на своей гипотезѣ.

Читатель этого сочиненія не долженъ забывать интересныхъ мотто, выставленныхъ на первой страницѣ книги:

„Исторія „Желѣзной маски“ останется, вѣроятно, навсегда неразрѣшимой проблемой!“—Гриффэ 1768 г.

„Надо полагать, что „Желѣзная маска“ всегда въ исторіи будетъ темною фигурою“.—Мишле, „Исторія Франціи“, 1876 г.

ЖИЛОЙ КРАТЕРЪ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ вулканическія изверженія считаются заурядным явленіемъ, и жители такъ къ нимъ привыкли, что, отбрасывая всякую мысль объ опасности, селятся тамъ, гдѣ ни одинъ европеецъ ни при какихъ обстоятельствахъ не построилъ бы своего дома. Удивительнѣйшимъ примѣромъ подобной безпечности служитъ мѣстечко, на-

Покойная королева Драга невѣстой и ея двѣ младшія сестры.

Сербское открытое письмо съ рисунками въ память бракосочетанія короля Александра съ Драгой Машиной.

Слѣва—король Александръ и его родители; справа—королева Драга и ея сестры въ національныхъ костюмахъ.

ходящееся въ 15 километрахъ отъ японскаго города Кумамото. Это мѣстечко расположено въ самомъ кратерѣ одного вулкана, повидимому, потухшаго. Тамъ живетъ около 20,000 человѣкъ. Городокъ этотъ въ высшей степени живописенъ; онъ окруженъ отвѣсными стѣнами кратера въ 250 метровъ высоты. Жители этого оригинальнаго поселенія живутъ очень замкнуто и рѣдко выходятъ изъ жерла своего вулкана, почва котораго, какъ вообще у потухшихъ вулкановъ, отличается необычайнымъ плодородіемъ. Разумѣется, эта идиллія въ одинъ непрекрасный день можетъ внезапно нарушиться новымъ сильнымъ изверженіемъ вулкана.

Король Александръ и королева Драга со свитой.

(Группа снята въ мартѣ с. г. во время посѣщенія королевской четой суконной фабрики въ Лесковацѣ).

1) Король Александръ (†). 2) Королева Драга (†). 3) фрейлина г-жа Петроневичъ. 4) Адъютантъ короля Михаилъ Наумовичъ (†). 5) Ген. Божидаръ Янковичъ. 6) Ген. Цинцаръ-Марковичъ (†). 7) Маіоръ д-ръ Величковичъ, лейбъ-медикъ короля 8) Симичъ, бывшій министръ-президентъ. 9) Д-ръ Петроневичъ, секретарь короля. 10) Полк. Кумричъ, второй лейбъ-медикъ короля. 11) Никодимъ Луневица, братъ королевы (†). 12) Маіоръ Войславъ Бласнавачъ, кузенъ короля. 13) Гофмаршалъ М. Николаевичъ. 14) Ген. Лазарь Петровичъ, адъютантъ короля (†).

Жертвы катастрофы 29-го мая отмѣчены †.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера) Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппоръ.